

POLm.8_666 POLm.8_666

Радостная больница

18+

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Радостная больница

<https://litres.ru/74356768>

SelfPub; 2026

Аннотация

****Аннотация****

Ночь. Телефонный звонок. Человек встаёт с постели и уходит в темноту. Он ещё не знает, что этот звонок — не вызов на работу. Это приглашение занять место на столе, у которого он провёл всю жизнь.

В этой книге нет монстров под кроватью. Есть только люди. Они устали, им скучно, они хотят домой. Они делают свою работу. Иногда эта работа — резать. Иногда — молчать. Иногда — подписывать бумаги, после которых человек перестаёт быть человеком.

Этот текст не обещает спасения. Не обещает мести. Не обещает, что зло будет наказано, а правда выйдет наружу. Здесь всё устроено иначе. Здесь награды получают те, кто умеет ждать. Здесь тела утилизируют, а протоколы подшивают в папки. Здесь единственный свидетель — человек, который уже ничего не может сказать.

Содержание

### Дисклеймер	4
### Глава 01. Ночная поездка	8
### Глава 02. Приезд	12
### Глава 03. Работники	18
### Глава 04. Раздражители	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Радостная больница

Дисклеймер

Внимание. Перед вами художественное произведение. Все без исключения события, персонажи, имена, фамилии, названия, организации, учреждения, государственные органы, медицинские комплексы, судебные инстанции, следственные структуры, должностные лица, награды, звания, даты, географические объекты и любые иные элементы, упомянутые в тексте, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими людьми — живыми или умершими, — с реальными событиями, больницами, судами, тюрьмами, полицейскими управлениями, медицинскими практиками, государственными программами, наградными системами и иными институциями — случайны и непреднамеренны.

Автор не является медицинским работником, хирургом, юристом, следователем, судьёй, сотрудником правоохранительных органов, государственным служащим или иным специалистом в сферах, затрагиваемых в тексте. Все опи-

сания хирургических операций, медицинских манипуляций, анестезии, трансплантации, диагностики, фармакологии, анатомии, физиологии, а также юридических процедур, следственных действий, допросов, условий содержания под стражей, судебных процессов, вынесения приговоров и иных профессиональных практик являются художественной условностью. Они не отражают реальную медицинскую, юридическую, следственную или иную профессиональную практику, не должны восприниматься как достоверные, справочные, образовательные или инструктивные материалы и не могут быть использованы в качестве руководства к каким-либо действиям в реальной жизни.

Произведение содержит сцены физического насилия, психологического давления, жестокости, медицинских вмешательств без согласия, эксплуатации человека, торговли органами, лишения жизни, страданий, унижения, несправедливости, злоупотребления властью и служебными полномочиями, а также иные тяжёлые и потенциально травмирующие эпизоды. Читатель должен осознавать это до начала ознакомления с текстом. Если вы обладаете повышенной чувствительностью к темам насилия, телесных страданий, медицинских процедур, утраты, несправедливости, злоупотребления властью или находитесь в уязвимом эмоциональном либо психологическом состоянии — настоятельно рекомендуется воздержаться от чтения. При необходимости — обра-

таться за поддержкой к квалифицированному специалисту.

Автор не оправдывает, не пропагандирует, не одобряет и не призывает к совершению насилия, торговле органами, нарушению закона, злоупотреблению должностными полномочиями, эксплуатации человека, дискриминации, преступлениям против личности, половой неприкосновенности, жизни и здоровья или любым иным противоправным и аморальным действиям, описанным в тексте. Все изображённые преступления и нарушения являются частью художественного замысла, служат целям сюжета и не выражают личную позицию автора, его взгляды или убеждения.

Текст предназначен исключительно для взрослой аудитории, достигшей возраста, установленного законодательством страны проживания для ознакомления с произведениями, содержащими сцены насилия и иные тяжёлые темы. Автор не несёт ответственности за интерпретацию прочитанного, за эмоциональные реакции, возникшие в процессе чтения или после него, а также за любые решения, действия или бездействия, совершённые читателем на основе содержания произведения, его фрагментов или художественных образов.

Продолжая чтение, вы подтверждаете, что осознаёте художественную природу текста, принимаете все вышеизложенные условия, являетесь совершеннолетним и добровольно

принимаете на себя полную ответственность за ознакомление с данным произведением.

Берегите себя.

Глава 01. Ночная поездка

Телефон взорвался вибрацией о деревянную тумбочку — мерзкий, жужжащий звук, от которого у меня мгновенно сжался желудок. Я даже сквозь сон поняла: *оно самое*. Три часа ночи. Красные цифры будильника плавали в темноте, как чьи-то злые глаза.

Он нашарил трубку раньше, чем я успела проморгаться. Движение резкое, отрепетированное — рука ныряет в пустоту и безошибочно находит цель.

— Да. — Не вопрос. Утверждение. Голос хриплый, но уже не сонный. Пауза. — Понял. Буду.

Два слова. Всё. В трубке коротко пискнуло — отбой.

Я лежала на боку, спиной к нему, и считала про себя до десяти. Кровать прогнулась под его весом — он сел, опустив босые ноги на пол. Молчание было плотным, почти физическим. Я слышала, как на кухне гудит холодильник, как где-то за стеной капает вода в раковине, как ветер шевелит ветку клёна за окном, скребёт ею по стеклу — *шорк-шорк*. Всё слышала, кроме его голоса.

Он встал. Я знала каждое его движение по звукам: вот ящик комода выдвинулся с тихим деревянным стуком, вот шуршит футболка, вот звякнула пряжка ремня.

Я перевернулась на спину. Смотрела в потолок, но боковым зрением видела его силуэт в темноте — он застёгивал рубашку, стоя ко мне вполоборота. Пальцы ловкие, быстрые. Никакой утренней заторможенности. Собранный, как на войну.

— Хочешь кофе? — спросила я. Мой голос прозвучал хрипло и жалко.

— Нет. Не успею.

Не успеет. Конечно.

Я всё-таки села, спустив ноги с кровати. Холодный пол обжёг пятки. Наощупь нашла халат, накинула, не попадая в рукава. Пошла в прихожую, по пути задев плечом дверной косяк — тупая, знакомая боль. Зажгла свет. Лампочка моргнула, прежде чем разгореться, и я успела увидеть в этом коротком миге неживого, мертвенного света, что у него под глазами залегли тени.

Он уже стоял в прихожей и завязывал шнурки. Плащ перекинут через руку.

— Я отвезу, — сказала я. Не вопрос. Так же, как он сказал «да» в трубку.

Он поднял на меня глаза. Что-то в них мелькнуло — может, благодарность, может, вина, может, вообще ничего. Он просто кивнул.

Я одела мешковатую одежду — мою любимую. Волосы, наверное, торчат во все стороны — плевать. Ключи от машины лежали на полке у двери, я сжала их в кулаке раньше, чем он успел бы потянуться за ними сам.

Вышли на лестничную клетку. Замок за спиной лязгнул глухо, как закрывающаяся дверь лифта в никуда. Подъезд спал. Лампочка на втором этаже моргала — жужжала, как та вибрация телефона. Мы спуускались молча. Я считала ступеньки — одиннадцать, площадка, ещё одиннадцать.

На улице ночь была сырая и беспокойная. Асфальт блестел — значит, недавно прошёл дождь, хотя я не слышала его. Воздух пах мокрой листвой, выхлопными газами и чем-то ещё, электрическим, как перед грозой. Ветер растрепал мне волосы окончательно, залез под халат ледяными пальца-

ми. Я поёжилась и открыла машину.

Глава 02. Приезд

Дорога заняла семнадцать минут. Я засекала.

Стрелка спидометра дрожала на пятидесяти. Он смотрел в окно, но я знала — он не видит ни тёмных витрин, ни мокрых листьев, налипших на асфальт, ни редких светофоров, которые лениво перемигивались жёлтым в пустом городе. Его пальцы лежали на колене и время от времени сжимались в кулак, потом разжимались. Беззвучный ритм. Я вела машину и пыталась не смотреть на него слишком часто, но зеркало заднего вида было бесполезно — сзади ни души, — и мой взгляд сам собой скатывался вправо.

В салоне пахло ночным холодом с улицы и нагретым пластиком печки. Я включила радио, но оттуда пошёл только белый шум, и я выключила обратно. Стало тихо. Только шины шуршали по сырой дороге, да где-то глубоко под капотом мотор тянул свою ровную, усталую ноту.

— Ты как? — спросила я на четвёртой минуте.

— Нормально.

Снова тишина. Я прикусила губу и чуть сильнее сжала руль.

На подъезде к комплексу зданий — приземистые коробки из стекла и бетона, без вывесок, без имён — я сбавила скорость. Парковка была почти пуста: три машины, два тёмных седана и микроавтобус с тонированными стёклами. Фонари здесь горели не жёлтым, как в городе, а холодным, мертвенным белым светом, от которого кожа казалась синеватой. Я заглушила мотор, и тишина сразу стала глубже, плотнее. Как вата.

Он вышел первым. Я на секунду задержалась, глядя на ключи в замке зажигания, всё ещё покачивающиеся, потом выдернула их и вышла следом.

Мы вошли через главный вход. Никакого КПП с вооружённой охраной — только стеклянные двери, которые разъехались перед нами с тихим пневматическим шипением, будто нас ждали. Может, и правда ждали.

Вестибюль был стерильно-белым. Здесь пахло антисептиком и кофе — странное сочетание, от которого першило в горле. Пол — светло-серый кафель, натёртый до блеска, в котором отражались потолочные лампы длинными белыми полосами. Наши шаги отдавались гулко, и я невольно пошла

тише.

Нас встретили. Трое. Двое в медицинской форме — голубые халаты, бахилы, шапочки, — и один в обычном костюме, который, впрочем, сидел на нём так, будто он в нём родился. Костюм вышел вперёд, и я сразу поняла: это к нему. Ко мне — вежливая улыбка, быстрый кивок, скользящий взгляд. А к нему — рукопожатие, крепкое, двумя руками, с задержкой, с наклоном головы, который означал не просто уважение, а что-то вроде «мы знаем, кто ты». Я стояла в полушаге позади и чувствовала себя прозрачной. Не в плохом смысле — просто я здесь была не главной. Я была... дополнением. Женной. Тем, кто привозит и ждёт.

— Доброй ночи, сэр, — сказал Костюм. Голос мягкий, поставленный. — Всё готово. Доктор Чжан уже на месте.

Мой муж кивнул — коротко, по-деловому. Он уже был не тем человеком, который сидел рядом в машине и сжимал кулак на колене. Здесь он расправил плечи. Здесь он был на своей территории, какой бы жуткой эта территория ни была.

Одна из медсестёр — или лаборанток, кто их разберёт — повернулась ко мне. У неё были тёплые карие глаза и усталая, но искренняя полуулыбка.

— Миссис, вам в правое крыло. Кабинет донорской сдачи, первая дверь за стеклянной перегородкой. Вас уже ждут.

Я перевела взгляд на мужа. Его вели налево — туда, где коридор уходил чуть под уклон, где свет был ярче, где стены были не белыми, а бледно-зелёными, цвета морской волны на глубине. Двери — тяжёлые, герметичные, с круглыми окошками-иллюминаторами, как в подводной лодке. Одна медленно открылась, пропуская его и сопровождающих, и я успела заметить край операционного стола, яркий круг лампы над ним, край стерильной простыни.

Что-то холодное пробежало по позвоночнику. Не страх — знание.

Двери сомкнулись за ним. Костюм остался по эту сторону, достал телефон, что-то негромко забормотал в трубку на незнакомом языке.

Я стояла посередине вестибюля одна. Стеклянная перегородка отделяла правое крыло — там свет был мягче, там стояли кресла, обитые приятной тканью, и журнальный столик с нетронутыми глянцевыми журналами. Кабинет донорской сдачи — первая дверь.

Я поправила ремешок сумки на плече и пошла направо.

Меня ждали. Молодая женщина в брюках и мягком кардигане поверх медицинской формы. Никакой очереди, никакого ожидания. Только стойка с пустыми пробирками, аккуратно подписанными, и кресло с широким подлокотником.

— Присаживайтесь, — сказала она, и голос у неё был на удивление тёплый, почти материнский. — Левый или правый?

Я закатала рукав.

Игла вошла почти без боли. Я смотрела, как тёмно-красная, почти чёрная в этом свете кровь бежит по трубочке в пакет, и думала о том, что сейчас, в тридцати метрах от меня, за герметичной дверью с круглым иллюминатором, моего мужа разрезают. И его кровь, наверное, выглядит так же. Только её не собирают в пакет — её, наверное, вытирают марлевыми салфетками и бросают в металлический таз.

Я сглотнула.

— Всё хорошо? — спросила женщина в кардигане.

— Да, — сказала я. — Всё отлично.

Лампа надо мной гудела тихо и ровно, как мотор машины, которая ждала на пустой парковке.

Глава 03. Работники

Её взяли две недели назад. Она до этого работала в обычной городской больнице, в терапии, где самое страшное — пролежни у лежачих дедов и инфаркт в приёмном. Сюда попала по рекомендации, через троюродную тётку, которая работала в бухгалтерии на первом этаже. Собеседование было странным — вопросы не про стаж, не про навыки, а про умение держать язык за зубами. Она ответила «умею», и её взяли. Три смены в неделю, зарплата втрое выше прежней.

Сегодня её впервые позвали в послеоперационную палату. Старшая сестра — сухая женщина с лицом, на котором никогда ничего не отражалось, — велела смотреть и запоминать.

Палата была одноместной. Белые стены, мониторы, пикающие в такт сердцу, прозрачные трубки капельниц, уходящие иглами в вену на левой руке. Голова забинтована — белый кокон, из которого торчало лицо.

Пациент сидел в кровати, приподнятый на подушках. Глаза открыты. Очень светлые, голубые, как выцветшая джинса. И совершенно пустые. Он смотрел перед собой — не в

стену, не в окно, а словно в какую-то точку, которой не существовало в пространстве. Взгляд застывший, удивлённый. Так смотрит кошка на что-то невидимое в углу комнаты — наклонив голову, замерев, не мигая.

Губы у него шевелились. Она прислушалась. Сначала ей показалось, что он пытается что-то сказать. Потом она поняла: он просто мычит. Тихий, монотонный звук — «м-м-м-м», — как холодильник, как вентиляция, как муха в банке. Иногда звук прерывался, он открывал рот, вываливал язык — розовый, влажный, — и снова убирал его обратно. Как собака, которая часто дышит в жару. Язык был покрыт белым налётом.

Старшая сестра подошла, поправила капельницу, проверила зрачки фонариком. Зрачки сузились. Пациент не моргнул. Даже не пошевелился. Только мычание стало чуть громче, и в нём появилась какая-то вопросительная интонация — «м-м-м?», — как будто он удивлялся свету, но не мог понять, что это.

— Он что, навсегда так? — спросила новая медсестра. Голос у неё дрогнул.

Старшая не обернулась.

— Он жив, — сказала она ровно. — Операция прошла успешно. Уход стандартный: кормление с ложки три раза в день, подгузники менять по необходимости. С речью не справится. С пониманием тоже. Привыкай.

Пациент издал новый звук — влажный, булькающий. Из уголка рта потекла слюна, и новая медсестра увидела, как капля медленно ползёт по подбородку, оставляя блестящий след. Он не вытер её. Он не знал, что её надо вытирать.

Она стояла и смотрела на этого человека — мужчину сорока двух лет, у которого было имя, работа, жена, дети, собака, любимая футбольная команда и привычка пить пиво по пятницам, — и видела только животное. Животное с удивлённым взглядом, которое не понимало, где находится, зачем существует и что такое «я». У него была душа — или то, что от неё осталось, — и она была заперта в теле, которое разучилось быть человеком.

Старшая сестра вышла из палаты. Новая медсестра постояла ещё секунду, глядя, как пациент медленно сползает по подушкам набок — тело слушалось его плохо, — и вышла следом, плотно закрыв дверь. В коридоре она прислонилась к стене и вдруг поняла, что у неё дрожат колени. Не от ужаса. От другого чувства, которому она пока не могла подобрать названия.

Он стоял в смотровой — небольшая комната с односторонним зеркалом, выходящим в палату пациента, — и пил кофе из бумажного стаканчика. Кофе был отвратительный, из автомата в коридоре, но он пил его уже пятнадцать лет и привык.

Рядом стоял доктор — тот самый, с руками, которые три часа копались в чужом мозгу. Хирург смотрел на пациента сквозь стекло без всякого выражения. Как будто разглядывал мебель.

— Итог? — спросил Костюм.

Хирург пожал плечами:

— Опухоль удалена на девяносто восемь процентов. Рецидив маловероятен. Пациент жив, соматически стабилен. Когнитивные функции, как видите, на уровне домашнего хомьяка. Речевой центр не справился. Могло быть хуже.

Костюм отпил ещё глоток кофе и посмотрел на человека за стеклом. Тот сидел на кровати и раскачивался вперёд-назад. Вперёд-назад. Вперёд-назад. Ритмично, однооб-

разно, как маятник. Из рта тянулась нитка слюны, поблёскивая в свете ламп. Пациент мычал — тихо, заунывно, на одной ноте.

Костюм думал не о пациенте. Он думал о проекте. О том, сколько ресурсов вложено. О том, что заказчик — человек без чувства юмора — спросит результат. Результат был налицо: человек жив, опухоли нет, методика работает. То, что человек стал растением — издержки. Побочный эффект. В отчёте он напишет «постоперационные осложнения неврологического характера». Или «временное снижение когнитивных функций с перспективой частичного восстановления». Или вообще ничего не напишет.

Пациент за стеклом перестал раскачиваться и уставился прямо в зеркало. Костюм знал, что тот видит только собственное отражение. Но взгляд — этот пустой, удивлённый, немигающий взгляд — на секунду поймал его, и что-то внутри чуть шевельнулось. Где-то глубоко, под рёбрами, там, где у нормальных людей живёт совесть. Он подавил это движение, как давят сигарету в пепельнице.

— Семьи сообщили?

— Жена внизу, — сказал хирург. — Я попросил задержаться.

— Сообщите ей. Деликатно.

Костюм смял стаканчик и бросил в урну мимо. Стаканчик отскочил от края и упал на пол. Он не стал поднимать.

Она сидела в вестибюле на том же стуле, где сидела три часа назад. Журнал так и не открыла — он лежал на коленях, глянцевый, чужой, с улыбающейся женщиной на обложке. Женщина на обложке держала в руках букет ромашек и смотрела в объектив счастливыми глазами.

Когда из коридора вышел хирург — её муж, — она сразу всё поняла. По походке. Не по лицу, потому что лицо у него было такое же, как всегда, — спокойное, усталое, ничего не выражающее. Но походка была медленнее обычного. Он не спешил. Значит, новости плохие.

Она встала. Журнал соскользнул с коленей и упал на пол, женщина с ромашками уткнулась лицом в кафель. Она не стала поднимать.

— Он жив, — сказал муж. Голос ровный, без интонаций.
— Опухоль удалили. Но есть осложнения. Мозг пострадал.

Она слушала слова, и они долетали до неё как сквозь вату: «речевой центр», «необратимые изменения», «базовые рефлексy», «понадобится уход». Она слышала, но не понимала. Точнее, понимала, но не принимала. Где-то внутри неё что-то замерло, сжалось, стало очень маленьким и очень твёрдым.

— Можно его увидеть? — спросила она.

Муж помедлил. Потом кивнул.

Он провёл её через коридор с бледно-зелёными стенами, через двойные двери, через запах антисептика и ещё чего-то сладковатого, что она не могла опознать. В палате было тихо, только монитор попискивал — ровно, спокойно, как метроном.

Она увидела его и остановилась на пороге. Ноги приросли к полу.

Он сидел на кровати, поджав под себя одну ногу. Голова забинтована. Лицо — её родное, любимое лицо, каждая морщинка, каждая родинка, — и в то же время чужое. Как будто кто-то стёр изнутри всё, что делало его им. Светлые глаза были открыты и смотрели прямо на неё. И сквозь неё.

Он издал звук. Не слово — просто «а-а-а», открытое, неоформленное, как у младенца, который ещё не знает, что звуки могут что-то значить. Потом губы растянулись, и он улыбнулся. Но улыбка была не ей. Она была никому. Просто мышцы лица сократились в случайном порядке, и получилась улыбка — бессмысленная, пустая, как солнечный зайчик на стене.

Из рта вывалился язык. Он поводил им по губам — медленно, влажно, — и убрал обратно.

Она сделала шаг вперёд. Второй. Третий. Подошла к кровати и протянула руку, чтобы коснуться его щеки. Он не отреагировал — только мычание стало чуть громче. Она погладила его по небритой щеке — колючей, тёплой, живой, — и он вдруг повернул голову к её руке, как кот, который трётся о ладонь. Чисто рефлексивно. Чисто животное.

Она заплакала. Беззвучно, не меняя лица, просто слёзы потекли по щекам — горячие, быстрые. Она стояла и гладила его, а он мычал и смотрел в стену удивлёнными, совершенно пустыми глазами.

Свет. Очень яркий. Белый.

Где-то гудит. Где-то плачет. Где-то пахнет чем-то острым.

Внутри — пустота. Не плохая, не хорошая. Просто ничего. Как в комнате без мебели, без окон, без дверей. Где-то там, на краю, что-то пытается пробиться — обрывок слова, запах духов, лицо, знакомое и тёплое, — но не может. Оно ударяется о пустоту и рассыпается, как волна о бетонный мол.

Язык во рту — большой, чужой, мешает. Хочется его высунуть. Он высовывается. Мокро. Губы мокрые. Приятно. Хочется ещё. Он высовывает язык снова.

Что-то тёплое касается щеки. Приятно. Он трётся об это тёплое. Внутри что-то шевелится — смутное, далёкое, как воспоминание о сне, который приснился сто лет назад. Может быть, это важно. Может быть, нет. Он не знает. Он не знает, что значит «важно».

Он издаёт звук. Просто потому, что звук выходит сам. «А-а-а». Хороший звук. Простой. Можно повторить. «А-а-а».

Перед глазами что-то движется. Розовое пятно. Оно приближается, отдаляется, снова приближается. Он смотрит на

него с удивлением — всё вокруг удивительное, потому что всё вокруг новое. Каждую секунду. Мир исчезает и появляется заново, и он каждый раз видит его впервые.

Розовое пятно издаёт звуки. Сложные, непонятные. Они доходят до него и рассыпаются на отдельные шумы — «ты», «слы», «ме», «ня», — бессмысленные, как капли дождя по стеклу. Он не знает, что с ними делать. Он просто смотрит на пятно и улыбается — мышцы сами растягиваются, это не он. Это тело. Тело живёт своей жизнью. Он внутри тела — маленький, сжавшийся, — смотрит на мир через окна глаз и ничего не понимает.

Тёплое касается его снова. Он затихает. Мычит тише. Хорошо. Тепло — это хорошо. Тепло и свет. Больше ничего нет. Больше ничего не нужно.

Где-то в глубине, под пустотой, под белым светом, под пиканьем и гудением, шевелится смутное, бесформенное чувство — не страх, не тоска, не боль. Что-то похожее на вопрос. Но слов для вопроса нет. Есть только звук. «А-а-а?» — спрашивает он у розового пятна. Розовое пятно дрожит и издаёт странный, мокрый звук — не такой, как у него. Другой.

Он не понимает. Он смотрит в стену. Стена белая. Очень белая. Интересно. Он будет смотреть на стену. Долго. Всегда.

Потому что «всегда» — это тоже слово, которого больше нет. Есть только сейчас. Сейчас он смотрит на стену. Сейчас он мычит. Сейчас тепло. Сейчас.

Сейчас.

Сейчас...

Глава 04. Раздражители

Что-то случилось в глазах.

Не как всегда. Всегда было белое, серое, бледно-зелёное — спокойные цвета, которые можно долго разглядывать. А теперь — ЭТО.

Красное.

Оно вползло в поле зрения справа — яркое, кричащее, живое. Оно двигалось. Оно было тёплым, хотя он не знал слова «тёплый». Он просто чувствовал, как внутри что-то дёрнулось и замерло, когда красное приблизилось.

Это была медсестра. Новая, молоденькая, которая меняла повязку и неловко порезалась ножницами о собственный палец. Капля крови упала на белую простыню — маленькая, круглая, блестящая.

Он увидел её.

Мир сузился до этой капли. Всё остальное исчезло. Он смотрел на красное пятнышко на белом, и его рот медленно

открылся. Губы раздвинулись сами собой — «о». Круглый, влажный звук удивления. Он не мог оторвать глаз. Что-то в этом красном было... важное? Опасное? Вкусное? Он не знал. Слов не было. Было только чувство — огромное, всепоглощающее, — что ЭТО имеет значение. Что ЭТО требует реакции. Но какой?

Он замычал. Сначала тихо, потом громче — «м-м-м?» — вопросительно, тревожно, с нарастающей нотой. Тело дёрнулось вперёд, насколько позволяли ослабевшие мышцы. Рука поднялась — неуклюже, как лапа, которой он ещё не научился управлять, — и потянулась к красному пятну.

Медсестра отшатнулась, замотала палец пластырем. Красное исчезло. Он замер. Рука повисла в воздухе. Мычание стихло. Он продолжал смотреть на то место, где только что было ОНО, и взгляд его был полон такого чистого, беспомощного изумления, словно он стал свидетелем величайшего чуда в своей жизни. А потом — ничего. Красного больше нет. И он забыл. Уже забыл. Взгляд остекленел, рот закрылся. Он уставился в стену. Стена белая. Просто белая.

Запах вошёл в ноздри и взорвался внутри головы.

Это было не как обычные запахи — слабые, далёкие, которые он едва замечал и тут же забывал. Нет. Этот был ОСТРЫЙ. Он проткнул что-то у него в носу, вонзился глубоко в голову, растёкся там горячей волной. Цветочный. Приторный. Тяжёлый.

Он замер. Глаза распахнулись шире — насколько вообще могли. Зрачки задрожали, заметались по сторонам в поисках источника, и наконец нашли. Женщина. Она стояла в дверях палаты — посетительница, чья-то родственница, заблудившаяся коридором. От неё исходил этот запах. Она была его источником, его центром, его эпицентром.

Он не знал, кто она. Он не знал, что такое духи. Он не знал, что такое «Шанель №5» и что этой женщине семьдесят два года и она вылила на себя полфлакона перед визитом к мужу. Он знал только одно: ЭТО ПАХНЕТ.

И он сделал то, что делал всегда, когда сталкивался с необъяснимым. Он удивился.

Губы растянулись в ту самую пустую улыбку — не ей, не миру, просто мышечный рефлекс. Словно спазм. Голова наклонилась набок — медленно, плавно, как у собаки, которая впервые слышит странный звук. Он втянул воздух. Ещё раз. Ещё. Он сопел, втягивал запах, не понимая, зачем это дела-

ет, но не в силах остановиться. Запах был сильный. Запах был везде. Он заполнил всю голову, вытеснил всё остальное.

Он замычал ей. «М-м-м-м». Потом громче. «М-М-М». Он пытался что-то сказать этим мычанием — может быть, «что это», может быть, «ещё», может быть, «страшно», — но слов не было. Был только звук. И удивлённый, совершенно ошарашенный взгляд, которым он провожал её, пока она не скрылась за дверью.

Запах ушёл не сразу. Он остался в ноздрях, в голове, как эхо. Он сидел и смотрел на дверь, за которой исчезла женщина, и ждал. Чего — он не знал. Может, она вернётся. Может, запах вернётся. Может, мир снова станет ярким. Он ждал, приоткрыв рот, и с губ свисала ниточка слюны. Дверь не открывалась. Запах таял. Он начал забывать. И забыл.

Она вошла, и что-то внутри него щёлкнуло.

Не мысль. Не воспоминание. Так не бывает — нет картинок, нет слов, нет «я её знаю». Но что-то глубже слов, глубже мыслей, на уровне клеток, на уровне рефлексов — дёрнулось и сказало: ЭТО.

Она. Та, которая меняет воду. Та, которая поправляет подушку. Та, у которой руки пахнут мылом, а голос — низкий, грудной, успокаивающий. Та, которая была здесь вчера. И позавчера. И до этого. Он не знал слов «вчера» и «позавчера», но тело знало ритм. Тело помнило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.